Философия и культура
Правильная ссылка на статью:
Горохов П.А. Иван Грозный как проблема отечественной философии истории // Философия и культура. 2024. № 11. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.11.70848 EDN: NITBYD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70848

Иван Грозный как проблема отечественной философии истории

Горохов Павел Александрович

доктор философских наук

профессор; кафедра "Юриспруденция и гуманитарные дисциплины"; Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ; филиал в Оренбурге

460000, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Курача, 26

erlitz@yandex.ru

Статья из рубрики "Философия истории"

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.11.70848

EDN:

NITBYD

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2024

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть историософские представления о личности Ивана IV Грозного и его роли в истории Российского государства. Для достижения этой цели решены следующие задачи: 1) изучены оценки крупнейших историков и философов, труды которых сформировали историософские представления о фигуре Ивана Грозного и, тем самым, повлияли на историческое сознание и память российского общества; 2) рассмотрены образы Ивана Грозного в художественной литературе; 3) рассмотрен вклад художников и скульпторов в историософскую оценку Ивана Грозного. Историки, философы и общественное мнение взаимно влияли друг на друга, диалектически формируя образ царя Ивана Грозного в стремлении создать о нем максимально объективное представление. Значительна роль литературы и изобразительного искусства, но писатели и художники рисуют образы минувшего и дают им историософскую оценку на основе трудов историков и философов. Методологической основой данного исследования выступают историко-философский и сравнительно-исторический анализ, а также культурологический подход. Фигура Ивана Грозного

рассмотрена сквозь призму общественного сознания и некоторые произведения русской литературы и искусства. По причине обширности темы, автором были использованы наиболее характерные и значительные примеры, иллюстрирующие эволюцию историософских представлений на фигуру Ивана Грозного. Еще при жизни Ивана Грозного сложились три основных оценки его личности и деяний, которые продолжают жить и по сей день: 1) нелицеприятный и обличительный, 2) некритический и прославляющий и 3) нейтральный и объективный. Через личность Ивана Грозного историки и философы рассматривали такие важнейшие историософские проблемы, как взаимоотношение народа и государственной власти, политики и нравственности, роль личности в историческом процессе. Оценка Ивана Грозного во многом зависит от того историософского подхода к проблеме роли личности в истории, которого придерживаются историки, философы, писатели или художники.

Ключевые слова:

философия истории, общественное сознание, Иван Грозный, философия политики, личность в истории, народ и власть, политика и нравственность, литература и искусство, тирания, историческая память

Введение

Споры об историческом значении и оценке фигуры Ивана IV Грозного не прекращаются не только в отечественной, но и мировой исторической науке. Ежегодно переиздаются классические труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, Р. Виппера, С.Ф. Платонова, в которых рассматривается и оценивается фигура первого русского самодержца.

Любой крупный историк является не только добросовестным хронистом, повествующим об исторических событиях, но и мыслителем, стремящимся оценить ход исторического процесса и дать оценку героям и антигероям истории sub specie aeternitatis, «с точки зрения вечности». Используя это выражение, Бенедикт Спиноза имел в виду вечную и универсальную истину, не зависящую от противоречий изменчивой современности. Не только талантливые историки, но и писатели, поэты и художники обладают собственной философией истории – хотя чаще всего и не выраженной отчетливым и системным образом. Поэтому говорить о наличии определенных историософских представлений как составной части философского мировоззрения можно применительно к любому значительному историку, труды которого оказывают воздействие не только на специалистов, но и на широкие слои образованного общества. Через фигуры масштаба Ивана Грозного историки и философы рассматривают такие важнейшие историософские проблемы, как взаимоотношение народа и государственной власти, политики и нравственности, роль личности в историческом процессе.

Но к истории обращаются и художники, и поэты, когда размышляют о законах истории, о скрытых механизмах судьбоносных событий. Шекспир в «Генрихе IV» гениально сформулировал суть философии истории, когда вложил в уста Уорика такие слова:

Есть в жизни всех людей порядок некий,

Что прошлых дней природу раскрывает.

Поняв его, предсказывать возможно

С известной точностью грядущий ход

Событий, что еще не родились,

Но в недрах настоящего таятся

Как семена, зародыши вещей.

Их высидит и вырастит их время [33]

Философия истории не только стремится объяснить глубинную суть событий прошлого, но ставит и пытается разрешить мировоззренческие вопросы, тесно связанные с духовным и нравственным содержанием истории. Ведь наша наполненная противоречиями современность укоренена в прошлом, она связана с ним прочными экономическими, социокультурными и аксиологическими узами. Главной задачей философии истории является попытка выявить некие объективные закономерности исторического процесса, открыть «законы истории» и не только найти благостные следы прошлого в настоящем, но и помочь преодолеть пагубное воздействие минувших эпох.

От «Истории Российской» князя Михаила Щербатова (1789)[35] до сравнительно недавно вышедших научных работ В. Кобрина [17], Б. Флори [29] и Д. Володихина [6;7] и беллетризованных биографий царя, написанных историком Э. Радзинским [23] и писателем А. Бушковым [4], понимание Грозного и его эпохи пережило ряд важнейших этапов. Историки, философы и общественное мнение взаимно влияли друг на друга, диалектически формируя образ царя Ивана Грозного в стремлении создать о нем максимально объективное представление. Значительна роль литературы, живописи и кинематографа, но писатели и художники рисуют образы минувшего и дают им историософскую оценку на основе трудов историков и философов. Поэтому роль историков и философов в формировании общественного мнения чрезвычайно велика, и недаром Александр Пушкин, сам бывший талантливым историком и гениальным мыслителем, с дружелюбной иронией писал о великом труде Н.М. Карамзина, что «все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Коломбом» [22]. Но даже гении масштаба Карамзина и Пушкина суть дети своей эпохи и неизбежно несут в своем творчестве ее уникальный отпечаток, позволяющий потомкам судить о всех достоинствах и недостатках этой эпохи.

Если историки в оценке деяний Ивана Грозного стараются опираться на факты, имеющиеся в довольно обширных источниках по той эпохе, то общественное сознание, то самое «мнение народное», о котором говорил А.С. Пушкин в драме «Борис Годунов», формируется по своим законам, порой сильно отличающимся от логики здравого смысла и исторических фактов. И философия истории не может не учитывать это обстоятельство, ибо оно тесно связано с проблемой формирования исторической памяти. Еще Карамзин восклицал в конце IX тома своей «Истории Государства Российского», что «История злопамятнее народа!» [15, с.279] и констатировал, что «…добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств Монгольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-завоевателя; чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы…, отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему

современниками, … доныне его именуют только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, чем в укоризну» [15, с.279].

Иначе чем историки, для которых факты, как известно, суть хлеб, оценивали фигуру Ивана Грозного в литературе и искусстве. Писатели и поэты, живописцы и скульпторы, композиторы и артисты создавали образы грозного царя, многие из которых вошли в массовое сознание и стали для него определяющими, поднявшись до историософского уровня, хотя порой и существенно отходили от исторической правды.

Данная работа – попытка рассмотреть фигуру Ивана Грозного сквозь призму философии истории и общественного сознания, в том числе и через произведения русской литературы и искусства. Существует несколько точек зрения на количество форм общественного сознания. Общественное сознание включает в себя такие формы, как науку, мораль, правосознание, религию, искусство и философию как системное осмысление действительности, выраженное в категориях и понятиях. Но общественное сознание, как было отмечено выше, можно понимать и как «мнение народное», в формировании которого велика роль писателей, поэтов и художников. Они часто приходят к истине интуитивно, поэтому перевод философского содержания литературных произведений и творений живописи и скульптуры на язык классической понятийной философии неизбежно сопровождается определенными потерями.

Методологической основой данного исследования выступают историко-философский и сравнительно-исторический анализ, культурологический подход.

Вследствие чрезмерной обширности темы автором были использованы и проанализированы лишь наиболее характерные и значительные примеры, иллюстрирующие эволюцию взглядов русских историков, философов и писателей на фигуру Ивана Грозного.

Иван IV сквозь призму российского историософского сознания

Общественное сознание – субстанция очень переменчивая и зыбкая. Но, по сути, еще при жизни Грозного сложились три основных оценки его личности и деяний, которые продолжают жить и по сей день: 1) нелицеприятный и обличительный, 2) некритический и прославляющий и 3) нейтральный и объективный.

По сути, основные элементы критического и негативного отношения к деяниям Грозного заложил его товарищ по детским играм, полководец и князь Андрей Курбский, который был моложе царя всего на два года и знал все обстоятельства тяжелого сиротского детства Ивана и особенности его противоречивой и жестокой натуры, которые в полной мере проявлялись еще до женитьбы царя на Анастасии Романовой и венчании на царство в 1547 году. Историки впоследствии неоднократно отмечали благостность той перемены, которая произошла в молодом Иване, ставшим мужем юной красавицы, а потому и рассказывают со времен Карамзина и вплоть до наших дней об «ужасной перемене в душе царя» со смерти Анастасии в 1560 году.

Курбский был членом Избранной Рады и, как и поп Сильвестр, и дворянин Алексей Адашев, пользовался полным доверием царя. После того как царь охладел к прежним единомышленникам, князь Курбский 30 апреля 1564 года бежал в Литву из-за угрозы опалы, оставив в России семью. Переход Курбского на сторону литовского князя Сигизмунда не только стал для Ивана страшным ударом, но и послужил поводом для создания подлинных шедевров средневековой русской литературы и публицистики.

Между царем и опальным князем завязалась знаменитая переписка, которая и положила со стороны Курбского начало обличительной оценке царя Ивана в русском общественном мнении. Иван в этой переписке обосновал свой взгляд на права самодержавного царя, который самовольно волен жаловать или казнить своих холопов. Концепция Ивана легла в основу историософии самодержавной власти в России. Курбский, в ответ, укорял и обличал царя не только в жестокосердии, но и в ошибках государственного управления. В переписке происходит столкновение двух концепций государственного управления, двух разновидностей философии политики, которые в измененной форме дожили до нашего времени.

Помимо писем к Грозному, Курбский написал «Историю о великом князе Московском», где впервые высказал идею о двух этапах в царствовании Ивана, причем обличал царя в склонности доверять доносчикам и клеветникам, которые раздували исконную подозрительность и природную жестокость царя. Курбский вопрошает царя: «А если восхваляют и возносят тебя как царя великого и непобедимого, и храброго, то действительно таким ты был, когда жил в страхе Божьем. Когда же ими был обманут и обольщён, то что получил? Вместо мужества твоего и храбрости стал перед врагом бегуном и трусом. Царь великий христианский перед басурманским войском у нас на глазах на диком поле бегал» [18].

Курбский умер в изгнании за год до смерти Грозного. Но созданная им концепция жизни и правления Ивана осталась в общественном сознании и по сей день, формируя в народном сознании образ царя-тирана, безумного в своем гневе и алогичного в своих симпатиях и антипатиях.

Однако исследователи отмечали, что в народных песнях и сказаниях отрицательные черты Грозного практически исчезали, и вместо тирана возникал портрет справедливого монарха, который ценит справедливость и готов карать бояр за ослушания и предательство. По сути, сам Иван дал начало такому подходу к оценке своей личности, когда, начиная Опричнину, в своем обращении к народу подчеркнул, что гнев его направлен против бояр-изменников, а не против простых людей. Именно народные массы инициировали возвращение царя из Александровской слободы в феврале 1565 года, после которого он потребовал себе «особые уделы». Так в народном сознании начал складываться образ справедливого и грозного царя.

Поэтому еще при жизни Грозного начала формироваться позитивная оценка его правления, не принимающая в расчет преступления и деспотизм, но лишь возвеличивающая славные деяния монарха. Сначала этот подход наблюдался во многих летописях того времени, но потом зажил своей самостоятельной жизнью, оказав влияние на труды историков и философов. Уже русский историк XVII века Андрей Лызлов оценивает Ивана однозначно положительно в своей «Скифской истории» - особенно его успехи в войне с Казанским ханством. Для Лызлова Грозный – «светлый победоносец боговенчанный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец» [7].

Причем апологетам царя не приходила в голову мысль, что если бы не опустошение страны вследствие Опричнины и неудачной Ливонской войны, если бы не убийство обезумевшим от гнева царем своего старшего сына Ивана и если бы не тот «отрицательный отбор», в результате которого у трона практически не осталось умных и инициативных людей (печальный результат деятельности всех тиранов во всемирной истории), то не прервалась бы династия московских Рюриковичей и Смутного времени на Руси могло бы не быть! Но история, увы, не имеет сослагательного наклонения.

По сути, апологетика царя продолжилась и в XVIII столетии, когда Василий Татищев (1686–1750), сподвижник Петра I, государственный деятель и историк, написал «Историю российскую». И в XVIII столетии продолжилось отделение друг от друга двух образов царя: мудрого и грозного самодержца, радеющего о благе народа, и тирана-кровопийцы, который в своем исступлении жестокостью доходил до крайней степени безумия. Лишь Карамзин в начале XIX века совершенно открыто и опираясь на найденные и проанализированные им источники, поведает о преступлениях Ивана Грозного. В XVIII же столетии и В.Н. Татищев, и М.В. Ломоносов (1711-1765), которые во многом выражали настроение образованного общества (весьма немногочисленного в те времена), придерживались если и не явной апологетики Грозного, то хотя бы нейтральной и стремящейся быть объективной позиции, хотя и не акцентировали особого внимания на зверствах и бесчинствах опричнины. Татищев дал положительную оценку царствования Грозного и критиковал тех, кто видел в Грозном лишь жестокого тирана. Сочинениям Курбского он не доверял, считая обличения князя-изменника чрезмерно пристрастным и потому совершенно необъективным историческим источником. По тем же причинам Татищев не признавал ценность мемуаров иностранцев, посещавших Московское царство при Иване Грозном (записки Генриха Штадена, Иоганна Таубе, Ричарда Ченслера и прочих мемуаристов).

Ломоносов был более объективным, ибо в своем труде «Краткий российский летописец» хотя и именовал Ивана «бодрый, остроумный и храбрый государь», но упоминал и о его преступлениях: «Неспокойных новогородцев казнил сей государь свирепым наказанием и царевича своего Ивана зашиб в крутом гневе, что после краткой болезни было смерти его причиною» [34].

И Татищев как соратник Петра, и Ломоносов, творивший по большей части при правлении «дщери Петровой» Елизаветы, положили начало тому историческому тренду, который сравнивает Ивана Грозного и Петра I, выделяя именно их качества государственников, стремившихся к конструированию сильной монархической власти. Эта традиция с того времени тесно укоренилась в общественном сознании и не уходила из него, благополучно через советский период дожив вплоть до нашего времени. Мудрость и жесткость Петра многие сравнивали с Иваном Грозным, а впоследствии с И.В. Сталиным.

В том же ключе мыслил генерал-майор и член Российской академии наук Иван Болтин, который во второй половине XVIII века, при Екатерине II, впервые заметил схожесть многих исторических процессов, происходивших в Западной Европе и России. Свои труды Болтин основывал на летописях и сочинениях Татищева и Карамзина, но не мог пройти мимо идей французских просветителей. Его оценка Грозного более близка к нейтральной, учитывающей объективные исторические процессы той эпохи. Он стремился встроить образ Ивана Грозного в единый контекст западноевропейской истории, что оказало свое влияние на историософские и социально-политические представления образованного дворянского общества, включая впоследствии и декабристов.

Для Н.М. Карамзина (1766-1826), который писал свой великий труд «История Государства Российского» как официальный историограф при Александре I, Грозный представлялся неоднозначной личностью. Историк также делил правление Ивана на два больших периода, рубежом между которыми была смерть первой жены Анастасии. Но именно Карамзин первым поведал русскому образованному обществу о всех преступлениях Ивана, которым нельзя найти оправдание. Разумеется, Карамзин был

гораздо объективнее большинства огульных критиков царя, ибо с пиететом пишет о военных успехах Грозного, покорении Казани, Астрахани и колонизации Сибири. Карамзин не сравнивает Грозного с Петром, напротив, он пишет о русском народе, который терпел тирана, «чтобы в лучшие времена иметь Петра Великого, Екатерину Вторую» [36].

И, видимо, именно труды Карамзина оказали влияние на Александра II, при котором в 1862 году был открыт в Новгороде памятник тысячелетия России, на котором среди всех славных деятелей отечественной истории места для Ивана Грозного не нашлось! Ведь Александр II не только внимательно читал Карамзина, как и всякий образованный человек того времени, но и изучал объемную «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева (1820-1879), выходившую с 1851 по 1879 год. Хотя Соловьев и старался рассматривать правление Ивана IV как эпоху борьбу «государственников» и «феодалов», но не закрывал глаза на все эксцессы его царствования. Как великий историк, Соловьев не стремился к простым и однозначным оценкам эпохи Грозного, о чем и писал с глубокой мудростью: «В то время как одни, преклоняясь пред его величием, старались оправдать Иоанна в тех поступках, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другие хотели отнять у него всякое участие в событиях, которые дают его царствованию беспрекословно важное значение. Эти два противоположных мнения проистекли из обычного стремления дать единство характерам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатков в предмете любимом, достоинств в предмете, возбудившем отвращение» [27].

Славянофилы и западники - по сути, первые философы в России - спорили не только по поводу роли Петра Великого в истории страны. Ивану Грозному они также уделяли много внимания. Такие славянофилы, как А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, И.В. Киреевский, оставили в своих произведениях много историософских размышлений по поводу роли Ивана Грозного в русской истории. Оценивая шестой том труда С.М. Соловьева, К.С. Аксаков писал об самодержавии Ивана Грозного и его опричнине: «Главной его целью было при разделении осязательном двух начал: отвлечь государство, чтобы вполне подчинить его себе,… чтобы не было в нем ни связей с землей, ни преданий - ничего; он хотел в окружающих себе безусловных слуг» [2].

Видимо, главной чертой характера Ивана Грозного большинство славянофилов считало полное отсутствие нравственных ориентиров и внутренней уравновешенности. А.С. Хомяков недаром писал: «Царь Иван Васильевич не мог любить: чувство любви человеческой, любви христианской было ему незнакомо» [30]. Есть у А.С. Хомякова и более жесткая оценка: «Людоед со своими подданными и низкий трус пред иноземными врагами» [31].

Западник А.И. Герцен высказал ряд мыслей об Иване Грозном в сочинении «О развитии революционных идей в России»: «Но общинная свобода, которой нанесли удар его предшественники, не возрождалась по зову всемогущего жестокого царя. Все его замыслы встречали противодействие и остались бесплодными,- так велики были к концу XVI столетия дезорганизация и всеобщее равнодушие. Доведенный отчаянием до бешенства, полный ненависти и отвращения, Иван умножил казни, отличавшиеся изощренной жестокостью. «Я не русский, я немец»,- сказал он однажды своему ювелиру, иностранцу по происхождению» [9].

Александр II в оценке Грозного более доверял Карамзину и Соловьеву, хотя его преподаватель истории Константин Кавелин относился к Грозному положительно и считал его недооцененной фигурой в отечественной истории. Поэтому вплоть до Октябрьской революции в сознании образованного русского общества господствовало прохладное отношение к личности Грозного: при признании определенных заслуг, его преступлениям не было оправдания. И именно это отношение привело к тому, что Иван IV не был изображен на памятнике Тысячелетие России, что до сих пор возмущает многих современных деятелей культуры, в том числе и небесталанного писателя Александра Бушкова, который начинает свою книгу об Иване Грозном именно с этих возмущений [4, с. 4-5].

Знаменитый философ Владимир Соловьев, сын великого историка, так оценивал Ивана Грозного в сочинении «Византизм и Россия»: «Первым настоящим носителем царского самодержавия у нас должен быть признан Иван IV не только по фактической полноте своей власти, но и по ясному сознанию о ее характере и источнике. Без сомнения, между Владимиром Святым и Петром Великим, это есть самое значительное, характерное и интересное лицо в нашей истории». Его оценка личности Ивана и итогов его правления для русской истории во многом схожи с теми оценками, которые некогда дал его отец-историк: «Царствование Ивана Грозного с его ужасами и с его роковыми последствиями было бы в нравственном смысле вопиющею нелепостью, если бы отступление от истинной идеи христианского царства было только личным грехом царя. Ибо за что бы тогда лились эти реки крови и за что подвергалось бы вопросу самое существование целой страны? Но это не было только личным грехом Ивана IV. Двоедушие этого царя, который, предаваясь нероновским злодеяниям, ссылался в то же время на милосердие Божие и милость Пречистой Богородицы,— это двоедушие поддерживалось и в известном смысле извинялось *политическим двоеверием* русского народа» [26].

Но, в целом, критически-холодный взгляд на Грозного стал практически официальным в Российской империи. Даже знаменитый автор выдержавшего 150 переизданий гимназического учебника Дмитрий Иловайский (1832-1920) счел нужным повторить оценки Карамзина в книге, предназначенной для юной аудитории: «С ранних лет уже Иоанн начал обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась и в самых детских его забавах; так, он находил удовольствие мучить животных или, разъезжая иногда с толпою сверстников по улицам Москвы, со смехом давил конями встречавшихся людей и т. п.» [14].

И большинство русских образованных людей, в том числе и пришедших впоследствии в Революцию, усвоило именно такой взгляд на личность и деяния Ивана Грозного. Даже талантливый Аркадий Аверченко (в то время автор журнала «Сатирикон», издававшегося с 1908 по 1914 гг.), создавая свою пародию «Всеобщая история, обработанная Сатириконом», взял за ее основу учебник Д.И. Иловайского, столь надоевший ему в юности: «Весть о рождении Иоанна Грозного как громом поразила Москву. Птицы и звери попрятались в лесах. Рыба со страху сделалась еще более мокрой и притаилась на дне океана. Люди совсем потеряли головы и были этому очень рады, ибо рассуждали так: Иоанн Васильевич все равно их отрубит. Лучше уж сами потеряем головы. Когда придут палачи, они останутся в дураках - нечего будет рубить» [1]. Повествуя о распорядке дня молодого царя, Аверченко пишет: «В одиннадцать Иоанн Васильевич приступал к занятию чужими языками - вырезал языки у провинившихся приближенных, а оставшиеся части тела бросал в темницу» [1].

Более искушенная в истории публика предпочитала меткие характеристики, которые дал Ивану Грозному В.О. Ключевский во втором томе своего прекрасного пятитомного «Курса русской истории», в котором этот великий историк поднимается до метких и глубоких историософских обобщений. Режим Грозного после 1565 года Ключевский характеризовал как «полицейскую диктатуру», а опричнину – «бесцельным мероприятием». Кровавые эксцессы опричнины он связывает с «озлоблением царя» и его личными переживаниями, не отрицая при этом ни роль «династического разлада», ни «привычек удельного времени» [16].

После Октябрьской революции большевики вначале взяли курс на отказ от преподавания и изучения истории, но все-таки в 30-е годы постепенно начал возобладать разум - вплоть до мудрых мер, которые были предприняты при И.В. Сталине, который не только восстановил разогнанные исторические факультеты, но и стремился унифицировать взгляд на отечественную историю и ее деятелей. Официальный подход (если о таковом вообще можно было говорить в 20-е годы XX века) к оценке Грозного вначале базировался на взглядах историка-большевика Михаила Покровского, ученика великого В.О. Ключевского и автора трудов «Русская история» и «Русская история в самом сжатом очерке». В «Русской истории» Грозному была посвящена вся шестая глава.

Покровский, как известно, исходил из того, что самодержавие — это «торговый капитал в шапке Мономаха». В «Русской истории в самом сжатом очерке» он писал об Иване Грозном так: «Господство дворянства и купечества выразилось в диктатуре, в огромном усилении царской власти. Террор не ограничивался боярством, - он распространился на целый ряд других общественных групп, связанных со старым порядком (церковь, монастыри, остатки новгородского торгового капитала и т. д.), крепко засел в народной памяти и дал повод прозвать царствовавшего тогда Ивана Васильевича — Грозным. Это конечно не значит, что Иван лично был особенно жестоким человеком и что он лично много значил в перевороте. Борьба шла не между отдельными людьми, а между классами. Но любопытно, что Иван Грозный принимал в борьбе значительное участие и принадлежал даже к числу публицистов, которые тогда выступали. В своих писаниях, письмах к бежавшему за границу Курбскому он по-своему пытается оправдать террор и доказать необходимость переворота» [21].

Хотя Сталин и отверг многие идеи Покровского, но в оценке Грозного он придерживался схожих позиций. Да и историк Роберт Виппер (1859-1954) написал в 1922 году книгу о Грозном, которая стала одной из любимых у Сталина – ведь Р.Ю. Виппер оценил правление царя положительно, а самого Грозного охарактеризовал как основателя современного государства, успешного полководца и реформатора. Виппер, по сути, идеализирует Грозного, когда пишет: «Ивану Грозному, современнику Елизаветы английской, Филиппа II испанского и Вильгельма Оранского, вождя Нидерландской революции, приходится решать военные, административные и международные задачи, похожие на цели создателей новоевропейских держав, но в гораздо более трудной обстановке. Талантами дипломата и организатора он, может быть, всех их превосходит» [5].

Такой апологетический подход в отношении Грозного лег в основу школьного и вузовского преподавания истории в сталинские годы, по которым учились будущие советские политики, ученые и деятели культуры. Скажем, старый большевик и глава Музея революции Андрей Шестаков написал школьный учебник для младших классов. Этот изданный впервые в 1937 году учебник задал хвалебную парадигму в оценке

Грозного вплоть до книги «Рассказы по истории СССР» Т.С. Голубевой и Л.С. Геллерштейна, по которому обучались многие современные российские политики. Поэтому некоторые из них искренне убеждены, что Малюта Скуратов не убивал по приказу Грозного митрополита Федора Колычева, а «просто мимо проезжал» [20]. Неудивительно: ведь опричнина описывалась в этих учебниках исключительно как борьба с предателями-боярами, мешающими объединению страны. Более того, расхристанные опричники с гордостью признаются многими современными политиками прародителями российской тайной полиции и советских органов государственной безопасности, которые, как и опричники, призваны были «пресечь измену и крамолу».

Но после смерти И.В. Сталина историки-профессионалы выпускали более объективные труды, которые не могли не оказать влияния на думающую часть образованного слоя в СССР. В 60-80-е годы XX столетия вышел цикл трудов А.А. Зимина об эпохе Грозного [10; 11; 12], книги Р.С. Скрынникова, работы В. Кобрина, в том числе его книга об Иване Грозном. Эти книги были более критичны, но и более объективны. В этих работах не акцентировалось внимание на возможном психическом нездоровье царя, в них не отрицалось значение реформ Грозного для развития государства, но все же явственно прослеживалась мысль о том, что нельзя забывать и об ужасных последствиях жестокости царя. Пережившие сталинскую эпоху ученые и деятели культуры были убеждены, что нельзя оправдывать прогресс страны человеческими жертвами. Недаром ленинградский профессор Руслан Скрынников подытоживал рассказ об опричнине так: «Опричнина дорого обошлось стране. Кровавая неразбериха террора унесла множество человеческих жизней. Погромы сопровождались разрушением производительных сил. Бесчинство опричников было беспрецедентным и не имело оправданий» [25].

По сути дела, современные историки также далеки от единства оценок по поводу личности Грозного, как и историки прошлых лет. Схожая ситуация наблюдается и в самом российском обществе. Издаются книги и выходят фильмы о той эпохе. Большую активность демонстрирует движение так называемых царебожников, которые даже уверяют в святости Грозного. Недаром консервативный историк и писатель С.В. Перевезенцев считает главным в личности Грозного его следование монашеским идеалам, забывая о богохульных издевательствах над церковными обрядами, которым предавался царь в Александровской слободе. Авторы, настроенные более умеренно, пишут посвященные Грозному апологетические сочинения, называя Ивана IV «вождем русского народа», а опричнину — учреждением, обеспечивающим «государственную безопасность». Причем при этом совершенно игнорируется трусость опричников, убежавших в числе первых из пылавшей Москвы при набеге хана Девлет-Гирея в 1571 году.

Очевидно, что культ Ивана Грозного в современном российском обществе не имеет никакого отношения к Московской Руси, зато представляет собой явление, принципиально родственное, по мнению некоторых публицистов, «православному» сталинизму. Недаром один из современных поклонников Ивана IV петербургский историк И Я. Фроянов (1936 – 2020) незадолго перед смертью пришел к выводу, что Иван Грозный был национально ориентированным государем, напоминавшим Сталина - деятеля, отвергающего Запад. И тот факт, что Сталин полагал веру в Бога помехой для Ивана IV, отнюдь не препятствует апологетам опричнины почитать и того, и другого.

А вот для ученого Бориса Флори и современной гуманистически настроенной общественности чрезвычайно важным все равно остается вопрос о целесообразности человеческих жертв: «… обязательны ли были все те кровавые жертвы, которыми

ознаменовалось правление Ивана IV и которые привели в конечном итоге к разорению всей страны, сделав ее неспособной отразить наступление своих противников?» [29, с.435]

Итак, вопрос о роли Ивана Грозного в истории остается открытой и обсуждаемой проблемой в философии истории и в современном общественном сознании в целом. Большинство современных историков ныне далеки от безусловного восхваления царя, но также не впадают и в совершенный критицизм. В любом случае, истина во многом зависит от того подхода к историософской проблеме роли личности в истории, которого придерживаются исследователи. Был ли Иван Грозный, как и любой другой исторический деятель, «творцом» или же «рабом» истории – от ответа на этот вопрос зависит многое. Гегель, как известно, считал, что призвание «всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» [8]. Но были ли репрессии Грозного «необходимыми» и «разумными», как и преступления прочих тиранов всемирной истории? Поэтому без гуманистического подхода к философии истории обойтись трудно, и именно писатели и поэты, как правило, сторонятся холодной логики в оценке исторических событий, создавая произведения, которые оказывают воздействие на историософские воззрения.

Обратимся к оценке личности Ивана Грозного, которую можно найти в произведениях русской художественной литературы.

Историософская оценка Ивана Грозного в русской литературе

Еще в 1779 году **М. М. Херасков** (1733-1807) издал эпическую поэму «Россиада», которая повествовала о победе царя Ивана Грозного над Казанским ханством. Автор использовал «Казанскую историю» - сочинение неизвестного древнерусского автора XVI века, прославившего первого русского царя. Это была эпоха Екатерины II и русско-турецкой войны, поэтому события далекого прошлого ассоциировались с современностью, и «Россиада» имела литературный успех.

В начале XIX столетия сюжет «Казанской истории» и поэмы Хераскова привлек и других русских писателей. Так появились трагедии **С.Н. Глинки** (1775 – 1847) «Сумбека, или Падение Казанского царства» и **А. Н. Грузинцева** (1779-1840-е годы) «Покоренная Казань или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным». Знаменитый **Г. Р. Державин** (1743 – 1816) написал либретто оперы «Грозный, или Покорение Казани». Каждый из этих авторов создал свой образ древнерусского правителя. При всей своей архаичности, это были первые произведения изящной словесности, на страницах которых был запечатлен художественный портрет Ивана Грозного как воинственного и противоречивого государственного деятеля, способствующего не только защите, но и расширению русских земель.

«Солнце русской поэзии» и глубокий мыслитель **А.С. Пушкин** затронул фигуру Ивана Грозного лишь косвенно: в драме «Борис Годунов» и в повести «Капитанская дочка», и его позиция по отношению к грозному царю не отличалась от оценок, данных в «Истории» Карамзина, высоко чтимой Пушкиным, несмотря на известную эпиграмму.

М. Ю. Лермонтов (1814-1841) создал подлинный шедевр – «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1838). Ситуация, которая описывается в этой поэме Лермонтова, типична. Наглость, сластолюбие, бессовестность и цинизм опричников показаны в этой поэме блестяще. Пирующий всласть Грозный требует от своих опричников полного повиновения. Кто не выполняет

приказы царя, тот попадает под его жуткий гнев. О жестокости царя свидетельствует казнь молодого и удалого купца Калашникова, который защищает честь своей жены Алены Дмитриевны и убивает любимого опричника Ивана Грозного – Кирибеевича. Для Грозного ценны его «слуги государевы», псы-опричники, хотя он и приказывает позаботиться о детях казненного купца. Лермонтов взял сюжетную основу поэмы из IX тома «Истории» Карамзина, где есть рассказ о чиновнике Мясоеде Вислом, у которого была прелестная жена, которую опричники изнасиловали, а мужу отрубили голову.

Об эпохе Грозного **А.К. Толстой** (1817-1875) написал сентиментально-приключенческую повесть «Князь Серебряный» (1862), драму «Смерть Иоанна Грозного» (1866) и две баллады: «Князь Михайло Репнин» и «Василий Шибанов» (1840-е гг.). Драматическая трилогия А.К. Толстого, хотя и посвящена восхождению к власти Бориса Годунова, но в своей первой части «Смерть Иоанна Грозного» показывает последние месяцы правления Ивана Грозного. Для самого Толстого именно человеческие качества царя играли решающую роль, и он решительно осудил Грозного как страшного тирана, алогичные поступки которого пагубно повлияли на весь дальнейший ход русской истории. В пьесе показано, что Иван Васильевич был, по сути, убит Годуновым, понимавшим, что царь умрёт, если его разволновать. Версию эту никто из современных историков не разделяет.

Образ царя в повести «Князь Серебряный» согласуется с описаниями Карамзина. Иван Грозный уничтожил лучшие и древнейшие фамилии России, он подавлял все благородное и взрастил подлую опричнину. Поэтому царь у А.К. Толстого воистину внушает отвращение. Возмущало писателя и само русское общество, допустившее произвол тирана. В предисловии к своей повести А.К. Толстой пишет: «В отношении к ужасам того времени автор оставался постоянно ниже истории... Тем не менее он сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо в негодовании не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования» [28]. Здесь А.К. Толстой бросает упрек совершенно напрасно, ибо нельзя оценивать с позиций второй половины XIX века моральный облик и поступки соотечественников второй половины XVI столетия.

Баллады «Князь Михайло Репнин» и «Василий Шибанов» можно отнести к лучшим образцам русской исторической поэзии. Князь Репнин предан царю, но честь для него дороже жизни. Когда Грозный, окруженный пьяными опричниками, затевает на пиру шутовской маскарад и заставляет Репнина надеть маску, князь решительно отказывается и гибнет от руки озверевшего царя. В балладе Грозный пронзает Репнина жезлом (в реальности князя убили через несколько дней), а потом кается. В балладе, посвященной слуге князя Курбского Василию Шибанову, показан подвиг верного слуги, доставившего царю письмо от Курбского и не побоявшегося принять пытки и смерть. Вообще, князья Михайло Репнин и Никита Серебряный были любимыми героями А.К. Толстого в истории той эпохи.

Еще один носитель великой графской фамилии – **А.Н. Толстой** (1883-1945) создал апологетическую драматическую дилогию об Иване Грозном («Орел и Орлица» и «Трудные годы») в 30-е годы – впрочем, в годы Сталина нельзя было без апологетики, если автор рассчитывал на публикацию своего творения. Грозный в этих пьесах вызывает симпатию и даже жалость, ибо со всех сторон окружен коварными врагами. Так, А.Н. Толстой показывает знаменитый эпизод болезни царя, когда бояре отказались присягать его наследнику. Это предательство, в том числе, послужило, по трактовке А.Н.

Толстого, причиной репрессий против боярских семей.

В пьесе «Иван Васильевич» **М.А. Булгакова** (1893–1940), по которой Леонид Гайдай в 1973 году поставил свою великую кинокомедию, изобретатель машины времени Тимофеев остается в Москве 20-х, а в прошлое, в XVI-й век, отправляется недалекий управдом Бунша-Корецкий и обаятельный вор Милославский. А грозный царь оказывается в реальности московской коммунальной квартиры. Управдому Бунше приходится выдавать себя в средневековом прошлом за царя, ибо он очень похож на Иоанна. Это и спасает «гостей из будущего». Внешнее сходство царя и управдома наводит на мысль, что в управдоме течет кровь грозного и женолюбивого царя Ивана, хотя эта кровь и выродилась за минувшие столетия. Этим и объясняется схожесть Ивана Грозного и управдома. Даже глуповатая жена инженера признается при виде Грозного: «Боже, до чего на нашего Буншу похож! Только очков не хватает» [3]. Но умный и проницательный вор замечает, рассматривая переодетого в царя Буншу: «Профиль портит. У того лицо умней».

Хотя пьеса написана как комедия, М. А. Булгаков поднимает в ней много серьезных проблем. Призвав своей фантазией в советскую Москву царя Ивана Грозного, Булгаков думал о Сталине. Современные историки часто писали о схожести этих двух тиранов и их влиянии на историю России. В обширной библиотеке Сталина была дилогия А.Н. Толстого о Иване Грозном. Эдвард Радзинский пишет: «В страшные дни войны, когда немцы рвались к Москве, попала к нему на стол эта пьеса. Прочитав ее и, видимо, о чем-то раздумывая, Сталин несколько раз написал на задней стороне обложки одно слово – «Учитель» [23, с. 101].

Объемный роман **Валентина Костылева** (1884 - 1950) «Иван Грозный» написан в жанре романа-эпопеи, который был очень популярен в советской литературе того времени. Роман-трилогия создавался в 1943-1947 гг. и получил в 1948 году Сталинскую премию второй степени. В романе показано становление личности Грозного, который выписан как мудрый государственный деятель, борющийся с врагами единства Руси, хотя автор и повествует о творимых царем жестокостях, но считает их вынужденными. В эпилоге огромного романа появляется Петр Первый, которому суждено довершить то, что было начато в эпоху Ивана Грозного. В романе много патриотических историософских рассуждений, вложенных автором не только в уста царя-философа, но и самых различных героев. В опричнине Костылев находит положительные моменты, ибо Грозный с ее помощью активно вводил практику возвышения простых людей.

Луганский писатель Валерий Полуйко (1938-2022) написал талантливый роман «Лета 7071» (1979), который показывает канун опричнины, когда русские одерживали ряд побед в Ливонской войне. Грозный показан как стойкий и жесткий борец с боярским сепаратизмом. Действие романа происходит в 1562-1563 гг., и это – самый удачный роман исторического цикла, в который входят еще романы «Государь вся Руси», «Третий Рим» и «Лихолетье». Последние две книги малоизвестны по причине малого тиража, ибо были написаны в безвременье ельцинской эпохи, когда хорошие исторические книги оказались не в чести.

Анатолий Ананьев (1925 – 2001) в романе «Лики бессмертной власти. Царь Иоанн Грозный» (1993) живописует период кануна опричнины. Нравственные проблемы, поднятые в романе, волнуют и сегодня мыслящее российское общество. По сути, Ананьев пытается ответить в своем романе на главный историософский вопрос: оправдывают ли цели, которые ставил перед собой Грозный, те страшные и бесчеловечные средства, которые применял первый русский царь? Автор показывает Грозного в окружении ближайших

сподвижников: Алексея Басманова с сыном, Афанасия Вяземского, Василия Грязного, Малюты Скуратова-Бельского.

Современная писательница **Е.А. Арсеньева** в новелле «Василиса Прекрасная» довольно живописно описывает трагическую историю Василисы Мелентьевой. А уральский прозаик **Алексей Иванов** в небольшом романе «Летоисчисление от Иоанна» (2009) о противостоянии царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа показал ущербного телом и скорбного духом царя, которого не могут утешить ни злобная черкешенка, его вторая жена Мария Темрюковна, ни ежедневные лютые казни. Апофеозом романа является сцена, когда московский люд не является смотреть на жестокую казнь, хотя царь очень рассчитывал на «массовость» задуманного им мероприятия.

Современный писатель **Александр Тамоников** создал роман-дилогию «Белый царь - Иван Грозный» (2014). В этой книге автор стремился показать правление первого русского царя, основываясь главным образом на исторической логике всех событий времен царствования Ивана Васильевича, который выписан как исключительно положительная личность. Бояре показаны как предатели, которых царь казнит с полным на то основанием, с осознанием собственной исторической правоты.

Итак, даже из немногих рассмотренных нами примерах произведений художественный литературы видно, что созданные писателями и поэтами образы Ивана Грозного зависят не только от исторических знаний и этической позиции автора, сколько «духа времени», от той эпохи, когда создавалось то или иное художественное произведение. В историософских оценках Грозного в определенном романе или повести значительную роль может играть и социальный заказ, как в романе Костылева или дилогии Тамоникова.

Образы Ивана Грозного в изобразительном искусстве

Философия может существовать не только в вербальной форме. Вспомним хотя бы картину Джорджоне да Кастельфранко «Три философа» или полотно Михаила Нестерова «Философы». Сами эти картины – философия, как и творения многих выдающихся живописцев, которые стремятся передать мысль в образе. Художники и скульпторы также вносят свой вклад в историософскую оценку исторических деятелей. Изобразительное искусство не могло пройти мимо создания художественными средствами психологического портрета Ивана Грозного, по-особому решеная проблему роли личности в истории.

До ставшего знаменитой реконструкции облика Ивана Грозного, осуществленной в 1963 году антропологом и скульптором М.М. Герасимовым (1907 – 1970) после вскрытия могилы царя, о внешности Ивана можно было судить лишь по частям сохранившихся документов и довольно неточным по технике исполнения изображениям, многие из которых откровенно противоречили друг другу. Хотя большинство современников свидетельствовали, что в молодости Иван IV был сухощавым и высоким человеком, хорошо сложенным и широкоплечим. Неизвестный автор конца XVI – начала XVII века изобразил царя с длинным и загнутым носом, большими глазами, пышными усами и густой рыжеватой бородой. Данная парсуна и по сей день признается историками одним из самых ранних и достоверных образов самодержца.

Но современные представления об облике Грозного, по большей части, ассоциируются с произведениями художников XIX века. Наиболее же известным среди этих творений стал портрет кисти **Виктора Васнецова** (1848-1926). Художник создал торжественный и величественный образ царя-самодержца (1897 год, хранится в Третьяковской галерее),

увидев в Иване мудрого правителя и великого государственного деятеля. Иоанн IV изображен в полный рост, стоя на лестнице. Острым жезлом царь опирается на красный ковер, который словно воплощает его кровавый путь властителя. Глядя на этот портрет, вспоминаются слова Иоанна: «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить».

В Третьяковской галерее хранится и другая великая картина, изображающая царя Ивана в момент его самого страшного преступления. Не величественным самодержцем, но старым и безобразным стариком предстает царь на картине **Ильи Репина** (1844-1930) «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1883—1885). Художник показал царя в тот момент, когда он в приступе безумной ярости нанес смертельный удар посохом своему наследнику, старшему сыну Ивану. Действие происходит в полумраке палаты царского дворца в Александровской слободе, где случилось роковое происшествие. В глазах Ивана стоит безумный ужас от осознания страшной трагедии, виновником которой он стал. На контрасте смотрится спокойное и смиренное лицо царевича, который хотя отнюдь и не был кротким агнцем (Грозный осознанно приучал сына к жестокости сызмальства), но здесь он словно прощает отцу его кровавое злодеяние. Картина производит столь сильное впечатление, что ее дважды пытались уничтожить безумные фанатики: в 1913 и 2018 году. Причем последний раз поводом послужило якобы оскорбление чувств верующих православных людей.

Увы, неспокойное время порождает психически нездоровых людей и религиозных фанатиков. В октябре 2013 года группа из историков и православных активистов, которую вдохновил и спонсировал давний апологет царя Ивана и сторонник его канонизации, предприниматель В.В. Бойко-Великий, потребовала убрать картину из Третьяковской галереи, заявив, что данное произведение оскорбляет патриотические (sic!) чувства русских людей. Тогда это сделано не было, но после акта вандализма 2018 года отреставрированная картина и по сей день находится в запасниках. И в наше время набирающего силу церковного обскурантизма не стоит надеяться, что великий шедевр вновь будет доступен для обозрения в ближайшее время.

Григорий Седов (1836-1884) изобразил Грозного не великим самодержцем и не сумасшедшим тираном, а пожилым влюбленным мужем возле молодой жены. Картина «Иван Грозный любуется на Василису Мелентьеву» (1875) хранится в Русском музее. На ней царь изображен сидящим у изголовья кровати рядом со своей шестой супругой. Считается, что у Ивана Грозного было семь или восемь жен, но официальных – всего лишь четыре. Ведь православная церковь разрешает венчаться только трижды. Но так как третья супруга царя умерла чуть ли не наутро после свадьбы, его все же обвенчали и в четвертый раз. По сути, все остальные, в том числе и Мария Нагая, родившая царевича Дмитрия, были не женами, а наложницами. На этой же картине показана шестая жена. Некоторые источники сообщают о том, что Иван Васильевич сделал ее своей женой примерно в 1575 году, но без брачного обряда. Хотя царю было в то время всего 45 лет, на картине он выглядит пожилым человеком, что, впрочем, не противоречит историческим свидетельствам о раннем одряхлении царя, ведшего чрезмерно разгульную жизнь.

Среди скульптурных портретов Грозного выделяется и наиболее известна хранящаяся в Русском музее работа **Марка Антокольского** (1840 – 1902), который увековечил облик царя в мраморе в 1875 году. Скульптора интересовал не парадный портрет самодержца, а внутреннее, психологическое состояние человека – одновременно и мучителя, и мученика. Грозный сидит на высоком троне, с его плеч спадает шуба, но во всей позе

царя чувствуется напряжение, а на лице застыли разные мысли: о возможной измене подданных, о подступающей старости и непосильном грузе власти. В этой скульптуре видна и сосредоточенность царя, и его возможное раскаяние, и тяжелые мысли о будущем государства. Это – портрет грешника-мыслителя.

Итак, образы царя Ивана в изобразительном искусстве создавали лучшие мастера, которые вложили в них свое понимание этой противоречивой исторической личности. Это понимание, в свою очередь было сформировано трудами историков и философов, произведениями писателей и поэтов.

Заключение

Подведем итоги нашего исследования. Мы рассмотрели фигуру Ивана Грозного сквозь призму общественного сознания и некоторые произведения русской литературы и искусства. По причине обширности темы, автором были использованы наиболее характерные и значительные примеры, иллюстрирующие эволюцию взглядов на фигуру Ивана Грозного.

Еще при жизни Ивана Грозного сложились три основных оценки его личности и деяний, которые продолжают жить и по сей день: 1) нелицеприятный и обличительный, 2) некритический и прославляющий и 3) нейтральный и объективный.

Отечественные историки и общественное мнение России взаимно воздействовали друг на друга, диалектически формируя образ царя Ивана Грозного и стремясь создать о нем максимально объективное представление. Писатели и поэты, живописцы и скульпторы, композиторы и артисты создавали образы грозного царя, многие из которых вошли в массовое сознание и стали для него определяющими, хотя порой и существенно отличались от исторической правды.

Наше время обнаружило новые тенденции в оценке деятельности Ивана Грозного. Как известно, в Орле 14 октября 2016 года был открыт первый в истории России памятник Грозному, а впоследствии памятники Ивану IV воздвигли в Москве, Чебоксарах и Александрове (в некогда так любимой Иваном бывшей Александровской слободе). Причем при открытии памятника в Орле не обошлось без курьезов, когда орловский губернатор Вадим Потомский в своей торжественной речи не только выразил сомнение в том, что царь убил своего сына, но и сообщил, что Грозный просто не успел довести раненого Ивана до Санкт-Петербурга из Москвы (sic!)При этом губернатор нравоучительно добавил, что «историю надо помнить и не позволять ее никому переписывать» [13].

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Впрочем, многие деятели российской культуры крайне негативно относятся к современному возвеличиванию Грозного. В Канске Красноярского края художник Владислав Гультяев поставил памятник Ивану Грозному в виде кола, выражая таким способом свой протест. В интервью он сказал: «Не стоит ставить памятники людям, которые применяли целенаправленный террор против своего же народа. Ну, а также я хотел напомнить, что времена, когда людей пытали, убивали просто так, убивали по указанию, не так далеки. Наши деды и бабы помнят это прекрасно, ну а мы их потомки. Если мы не хотим повторения таких же ошибок, должны об этом знать и твердо верить, что это недопустимо» [37].

Приведем еще один характерный пример. После требований неадекватных православных псевдопатриотов убрать картину Репина из Третьяковской галереи арт-группа «Митьки» в

насмешку над этими безумными требованиями заявила о том, что начала работу над картиной «Митьки дарят Ивану Грозному нового сына», которую можно выставить вместо полотна Ильи Репина.

Впрочем, на момент установки памятника в Орле в 2016 году подавляющее большинство россиян (71%) положительно оценивали роль Ивана Грозного в истории России, о чем свидетельствуют результаты опроса Фонда общественного мнения (ФОМ)[24]. На наш взгляд, это крайне печальная статистика, ибо автор настоящего исследования полностью разделяет оценку славянофила А.С. Хомякова, которую он дал результатам правления Ивана Грозного: «… многолетняя неправда, правление, нарушающее законы божественные и человеческие; власть, наказывающая смертью за невинность и награждающая милостями за преступления, подрывают на многие и многие лета народную нравственность. Низость духа, лесть, зависть, вражда к заслугам, страсть к крамолам, склонность к клеветам: таково наследство, оставляемое народу правительствами, или жестокими, или бессовестными; таков был завет царя Ивана Васильевича Грозного…» [32]

Приведем также точку зрения современного историка и писателя Д. Володихина, которая стремится к максимальной объективности и оценивает личность Ивана как грешившего и кающегося христианина: «…правление Ивана IV не составляет ни однозначно светлой, ни однозначно темной страницы русской истории. Оно пестро. Пестра и сама фигура правителя. Проходя последовательно стадии угнетенного сироты, масштабного реформатора и полководца, жестокого карателя, Иван IV в конечном итоге пришел к стадии кающегося христианина. Удачи и неудачи большой политики нерасторжимо связаны в его судьбе с максимами веры. Совершая то верные шаги, то гибельные, царь шел по пути православного человека, падающего в соблазн и восстающего от греха» [6].

В целом, вопрос о роли Ивана Грозного в истории остается открытой и обсуждаемой проблемой в философии истории как составляющей современного общественного сознания. В любом случае, истина во многом зависит от того историософского подхода к проблеме роли личности в истории, которого придерживаются историки, философы, писатели или художники.

Библиография

1. Аверченко А. Всеобщая история, обработанная Сатириконом. Иван Грозный. URL: http://averchenko.lit-info.ru/averchenko/proza/vseobschaya-istoriya/ioann-groznyj.htm (Дата обращения 11.05. 2024)
2. Аксаков К.С. По поводу VI тома «Истории России» г. Соловьева // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 442.
3. Булгаков М. А. Иван Васильевич // Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. Блаженство. СПб., 2002. С. 603.
4. Бушков А.А. Иван Грозный. Кровавый поэт. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 640 с.
5. Виппер Р.Ю. Иван Грозный // Иван Грозный. Двойной портрет. (Роберт Виппер. Иван Грозный; С.Ф. Платонов. Иван Грозный). – Москва: Ломоносовъ, 2020. С. 11.
6. Володихин Д, М. Историческая память об Иване Грозном: волны интерпретаций // № 2 (28) Культурологический журнал, 2017. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/408.html&j_id=31
7. Володихин Д.М. Иван IV Грозный: Царь-сирота. – М.: Молодая Гвардия, 2018. – 341 [11] с.: ил.
8. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том VIII. Философия истории. Перевод А.М. Водена. Под

редакцией и с предисловием Ф.А. Горохова. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 30.
9. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России https://ru.wikisource.org/wiki/О_развитии_революционных_идей_в_России_(Герцен) (дата обращения 20.05.2024)
10. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. – М., 1960.
11. Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964 (2-е изд., исправленное и дополненное, под названием «Опричнина». – М., 2001.
12. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). – М.: Мысль, 1972. – 456 с.
13. "Иван Грозный с сыном ехали из Москвы в Петербург". URL: https://pikabu.ru/story/ivan_groznyiy_s_syinom_ekhali_iz_moskvyi_v_peterburg_4352505 (Дата обращения 12.05. 2024)
14. Иловайский Д. И.Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста: Учебное пособие. Ч. 1. – М.: ЦСИ Московского фонда культуры, 1992. С. 103.
15. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Книга III. Т. IX. Гл.VII. М.: Книга, 1989.
16. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Том 2: Курс русской истории. Под ред. В. Л. Янина; Часть II / Послесловие и комментарий составили В. А. Александров, В. Г. Зимина. – М.: Мысль, 1987. – 447 с.
17. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989. 176 с.
18. Курбский Андрей. История о великом князе Московском. URL: https://litlife.club/books/272986/read?page=26 (Дата обращения 11.05. 2024)
19. Лызлов Андрей. Скифская история. URL: https://litlife.club/books/201167/read?page=29 (Дата обращения 12.05. 2024)
20. Малюта Скуратов мог «проезжать мимо» // https://russia24.pro/vladivostok/294802604/ (Дата обращения 11.05. 2024)
21. Покровский М.Н.Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия. Пятое посмертное издание. – Учпедгиз, 1934. С. 43.
22. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10-ти т. Т. VIII. Л.: Наука, 1978. С. 49-50.
23. Радзинский Э.С. Иоанн Мучитель // Радзинксий Э.С. Загадки истории. – М.: Вагриус, 2003. С. 99-150.
24. Россияне рассказали, как они оценивают роль Ивана Грозного в истории. URL: https://ria.ru/20161108/1480880186.html (Дата обращения 12.11. 2023)
25. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2001. С. 338.
26. Соловьев В.С. Византизм и Россия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Византизм_и_Россия_(Соловьев
27. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга III. Тома 5–6. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. С. 745.
28. Толстой А.К.Князь Серебряный // Собрание сочинений в 4 томах. Том 2. Упырь; Князь Серебряный. – М.: Правда, 1980. С. 85-86.
29. Флоря Б.Н. Иван Грозный. – 4-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 441 [7] с.: ил.
30. Хомяков А.С. Тринадцать лет царствования Ивана Васильевича // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография на страстном бульваре, 1900. – Т. 3. – 482 с. С. 51.
31. Хомяков А.С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлѐцер и антиисторическое направление» // Хомяков А.С. Избранные статьи и письма. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2004. – 480 с. С. 249.

32. Хомяков А.С. Царь Федор Иоаннович // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография на страстном бульваре, 1900. – Т. 3. – 482 с. С. 59.
33. Шекспир. Полное собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М., 1959. С. 178.
34. Шубинский В.И. Ломоносов: всероссийский человек https://litlife.club/books/189192/read?page=110 (Дата обращения 11.05. 2024)
35. Щербатов М. История Российская от древнейших времен. Т. 1-7. СПб., изд. кн. Б. С. Щербатова, 1901–1904.
36. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Вагриус, 2004. С . 143.
37. https://varlamov.ru/2031528.html (Дата обращения 12.05. 2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Рецензируемая статья производит весьма благоприятное впечатление. Автору удалось представить объективный, вполне научный, подход к реконструкции образа в Ивана Грозного в исторической науке, литературе и искусстве с лёгким, ясным изложением материала. Достижение подобного результата всегда оказывается следствием глубокого понимания избранного предмета рассмотрения и личного переживания темы. Конечно, некоторые критические замечания к тексту статьи сделать можно, но они ни в коем случае не должны рассматриваться как препятствие для её публикации. Если автор сочтёт возможным, он сможет использовать их в дальнейших работах. Так, думается, вряд ли следовало применительно к историческому повествованию упоминать Спинозу, исторические события, напротив, в каждую эпоху обречены на «перетолкование». Если всё же говорить и в этом случае о «взгляде с точки зрения вечности», то он может определяться исключительно нравственным чувством, а вовсе не «универсализмом познания». В самом деле, у всякого, кто знакомится с историей правления Ивана Грозного, возникает потребность в нравственной оценке его деяний, без которой невозможно составить и полную картину русской истории рассматриваемой эпохи. В этом отношении самыми точными рецензенту представляются характеристики и оценки С.М. Соловьёва, которые автор мог бы более широко использовать в своей статье. Например, подводя итог своим размышлениям, С.М. Соловьёв замечает: «Более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием. Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбой старого с новым, событиями, происходившими в малолетство царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событиями? Можно ли оправдать человека нравственной слабостью, неуменьем устоять против искушений, неуменьем совладать с порочными наклонностями своей природы? Бесспорно, что в Иоанне гнездилась страшная болезнь, но зачем же было позволять ей развиваться? […] В Иоанне … борьбы с самим собою, с своими страстями мы вовсе не видим. Мы видим в нём сознание своего падения. «Я знаю, что я зол», – говорил он; но это сознание есть обвинение, а не оправдание ему». «Его жестокости хотят оправдать суровостью нравов времени; действительно, нравственное состояние общества во времена Иоанна IV представляется нам вовсе не в привлекательном виде; мы видели, что борьба между старым и новым шла уже давно, и давно уже она приняла такой характер, который не мог содействовать умягчению нравов, не мог приучить к осторожному обхождению с жизнью и честью человека. […] Русское общество, выставив св. Филиппа, провозгласив устами этого пастыря требования своего основного начала, высказав своё неодобрение

образу действий Грозного, […] оправдалось перед историей, вследствие чего Иоанн, не послушавшийся увещаний Филипповых, оправдан быть не может». И, наконец, последние слова великого русского историка, мыслителя, а приведённые фрагменты С.М. Соловьёва позволяют добавить – и художника слова, – снимающие и те сомнения в отношении нравственной оценки деяний Ивана Грозного, которые у самого автора появлялись в ходе изложения противоречивого исторического материала: «Не произнесёт историк слово оправдания такому человеку; он может произнести только слово сожаления, если, вглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы». Кажется, процитированные фрагменты С.М. Соловьёва просто «просятся в текст», и если автор не найдёт возможным дополнить его этими фрагментами, остаётся лишь пожелать ему продолжения плодотворной работы, в которой они всё же будут учтены. Для предстоящей публикации можно было бы исправить немногочисленные выражения, которые трудно признать удачными со стилистической точки зрения: «через фигуры масштаба…», «диалектически формируя образ царя» (в данном случае термин «диалектически» представляется просто неуместным), «справедливого монарха, который ценит справедливость», и т.п. Рекомендую опубликовать статью в научном журнале.